Меня однажды рукавичка такъ сытно и хорошо, да такъ кстати, накормила, что я каждый разъ, когда бываю голоденъ, или когда столъ мой слишкомъ дуренъ, вспоминаю рукавичку.

Когда я служиль въ полку, у меня быль добрый и лихой товарищь, Закраинь. были Мы нимъ очень дружны; мнѣ разставаясь, онъ подарилъ на прощанье пару вязаныхъ рукавичекъ, СЪ оторочкой прошвами, особенной И И, отлично хорошей работы. Это было зимой и рукавички пошли тотчасъ въ дъло. на дорогу.

Въ ту же зиму случилось мнѣ, вовсе неожиданно, ѣхать въ иной путь—дороженьку, и со мною опять были эти же рукавички. Въ пасмурный, холодный осенній день, проголодавшись какъ волкъ, я пріѣзжаю на станцію часу въ четвертомъ; спрашиваю ѣсть, и слышу, что по случаю

Великаго Поста, кромѣ самаго дурнаго хлѣба, нѣтъ ровно ничего, ни даже пустыхъ щей! Боже мой, какъ я упалъ духомъ: не ѣвши съ утра, я весь день мысленно зарился на превосходный обѣдъ, который, по моему разсчету, ждалъ меня на этой станціи, гдѣ, какъ мнѣ сказали, былъ хорошій обѣдъ, — и — остался не причемъ. Разогорченный, приказываю я закладывать и по-неволѣ рѣшаюсь ѣхать голоднымъ дальше.

Въ это время бѣжитъ съ господскаго двора слуга и торопливо разспрашиваетъ, кто таковъ проъзжій, и потомъ обращается ко мнъ съ вопросомъ, не потерялъ ли я рукавички? Я спохватился, сказалъ: – Потерялъ. – «Такъ обронили ВЫ ee провздомъ \mathbf{y} господскаго двора, продолжаль слуга: и барышня – то есть, барыня, приказала узнать, отъ кого она вамъ, сударь, досталась?» — Отъ одного офицера; да что же это значить, любезный?

Слуга мыкался туда-сюда, и наконецъ сказалъ мнѣ, что рукавички эти работы его барышни, которая ихъ подарила своему

брату, а потому оставила ихъ у себя и прислали просить проъзжаго господа офицера къ себъ. Оказалось, что я быль въ помъстьъ родителей Закраина. Отецъ самъ вышелъ на эти объясненія, и узнавъ, что я старый товарищъ и сослуживецъ сына его, неотступно приглашалъ меня къ непремѣнно увъряя, что мать И дочь разумъется, видѣть. должны Я, меня пошель — и, не говоря уже о нъсколькихъ пріятныхъ часахъ, проведенныхъ мною въ обществъ родителей Закраина и сестры его, меня угостили, между прочимъ, такимъ деревенскимъ объдомъ, какого я отъ-роду не видывалъ и умру не увижу.

— Потому, подхватилъ другой, что ты былъ голоденъ. Очень понятно. Такъ я же тебъ разскажу, какъ рукавичка накормила голоднаго польскаго гайдука, и накормила такъ, что гайдукъ остался столько же доволенъ, какъ и ты, если не болѣе.

Знакомый мнѣ польскій панъ, одинъ изъ самыхъ роскошныхъ вельможъ тогдашней Польши, держалъ между прочимъ нѣсколькихъ гайдуковъ,

на-подборъ, ВЪ казачьей молодцовъ одеждѣ, которые по-очередно ѣзжали съ нимъ на запяткахъ. Ихъ называли также казаками, рейтарами, a также потому что они нерѣдко провожали господъ щегольской одеждѣ верхами. Къ принадлежали также замшевыя перчатки, огромными раструбами, четверти Лѣтомъ графъ взжалъ полторы. почти Варшавы каждый ИЗЪ день свою ближнюю деревню, гдъ быль у него домъ со всъми возможными удобствами. Иногда онъ и объдывалъ тамъ и приглашалъ туда гостей.

Прокатившись двѣ съ половиною мили на запяткахъ, или протрясшись верхами, огромные гайдуки пріѣзжали въ загородный домъ всегда голодные какъ волки, и по привычкѣ къ блюдолизничеству, каждый разъ надоѣдали поварамъ, неотвязчивыми своими просьбами, — дать чего—нибудь закурить! Хоть днемъ, хоть ночью, хоть въ полдень, хоть на зарѣ, когда бы ни прибылъ графъ, всегда во всякое время провожатый гайдукъ его отправлялся прямо на кухню, и

здоровался съ поварами до тѣхъ поръ, пока ему ставили какое-нибудь вчерашнее блюдо, которое онъ и очищалъ до-чиста.

- А что жъ, сказалъ, по своему обычаю, гайдукъ, утирая потъ съ лица: закусочка будетъ?
- Поди ты, пожалуйста, отвѣчалъ поваръ: не до пана теперь; надо графу сейчасъ завтракъ отправлять.
- Да пожалуйста же, продолжаль гайдукъ, бросивъ свою перчатку на столъ.... я ужъ, право, такъ и надъялся на пана, и не успълъ дома закусить.... такъ заторопили.... зато съъмъ за здоровье пана!
- Ладно, ладно, приходи черезъ полчаса: теперь некогда.

Гайдукъ, поблагодаривъ, вышелъ.

Выживъ на-время докучливаго гостя, поваръ обрадовался случаю, чтобы надънимъ подшутить: онъ взялъ замшевую перчатку съ раструбомъ, искрошилъ ее вълапшу, надлежащимъ образомъ приготовивъ, сварилъ, облилъ масломъ и какою-то бурой подливкой съ приправами и подалъ снова вошедшему гайдуку.

— Вотъ тебъ, сказалъ онъ, лапша изъ рубцовъ: славное блюдо!

Гайдукъ очистиль все, до послѣдней лапшинки, и подобравъ ложкой по краямъ всѣ остатки вкусной подливки, всталъ, поблагодарилъ, утерся и, оглядываясь, чего-то искалъ.

- Чего панъ ищетъ? спросилъ поваръ.
- Да я ни какъ тутъ перчатку свою оставилъ: да не видать ее что-то.
- Какую перчатку?... вашу,рейтарскую?
- Да, вотъ пару къ этой: не маленькая, кажись, не завалится.....
 - Чудакъ, панъ!.... да что жъ ты ѣлъ?
 - Какъ, что?.... рубцы!....
- Ну да, рубцы!... ты перчатку-то свою и съѣлъ, какъ была, съ рубцами, совсѣмъ!

Гайдукъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на повара, оглянулся еще недовѣрчиво кругомъ; но когда кухмистеръ повторилъ ему, побожившись, что онъ точно съѣлъ перчатку всю, безъ остатка, и что оглядываться ничего, — не осталось отъ нея

ни ремешка, — то бѣдный гайдукъ молча вышелъ, поглаживая себя по брюху, провожаемый общимъ смѣхомъ поварскихъ помощниковъ и поваренковъ.

В. ЛУГАНСКІЙ